

1. Идеологические корни испанского анархизма

Одна из главных проблем, вставших перед анархистами после того, как в начале Гражданской войны на них свалилась власть, заключалась в том, что среди них в действительности не было согласия относительно того, какое общество они хотели создать. Хотя движение существовало в Испании около трёх четвертей столетия, только за два месяца до начала войны оно попыталось объяснить в деталях то общественное устройство, которым оно желало заменить капитализм, и ту политическую организацию, которую оно хотело создать на месте государства. Но даже документ, принятый на Сарагосском конгрессе Национальной конфедерации труда в мае 1936 г., ни в коем случае не отражал единого мнения испанских анархистов. (Я буду обсуждать Сарагосскую резолюцию в следующей главе.)

Испанские анархисты были частью широкого международного движения. Основные теоретики этого движения не были испанцами, хотя некоторые испанские либертарные мыслители внесли в него существенный вклад, и конечно же, национальное наследие и традиции Испании, бравшие своё начало в Средневековье, повлияли на формирование мышления испанских анархистов, как ведущих, так и рядовых, накануне и во время 1930-х.

С началом Гражданской войны и распадом существующих структур власти на местном, региональном и даже национальном уровне, анархические группы в разных частях лоялистской Испании, неожиданно оказавшиеся во власти или получившие более или менее широкое влияние, начали осуществлять на практике идеи анархизма, как они их понимали. Дальнейшее изложение покажет нам, что в их подходах наблюдались большие различия.

Кроме того, взяв на себя двойную задачу – попытаться перестроить общество, будучи лишь одной из нескольких конкурирующих сил даже в регионах, где их сторонники составляли большинство, и организовать защиту лоялистской зоны от войск генерала Франко, – анархисты с самого начала были вынуждены поступиться некоторыми из излюбленных положений их философии и идеологии. В самом деле, согласно одной из точек зрения, история анархистов во время Гражданской войны в Испании – это перечень непрерывно накапливавшихся уступок, на которые они шли в попытке защитить основы либертарного общества, заложенные ими в первые дни и недели конфликта.

Чтобы дать фон к изучению новизны институтов, введенных анархистами в начале войны, и роковых отступлений, которые им пришлось делать впоследствии, безусловно, необходимо нарисовать, по крайней мере в общих чертах, картину той революции, которую пытались осуществить испанские анархисты. С этой целью, в этой и следующей главе, я вначале рассмотрю интеллектуальные истоки анархизма. Далее я обрисую основные течения мысли

в анархическом движении за сто лет, предшествовавших Гражданской войне в Испании, и их изменение и развитие в самой Испании. Наконец, я подведу итоги и прокомментирую то развёрнутое изложение целей и программы испанского анархизма, которое было принято движением незадолго до начала войны.

Истоки анархических идей

Пётр Кропоткин, Рудольф Роккер и другие анархисты, проследившие истоки идей, которые они разделяли, утверждают, что анархизм уходит своими корнями в древность. Кропоткин и Роккер согласны в том, что китайский философ Лао-цзы и стоик Зенон Китийский были одними из первых мыслителей, анархических по существу¹. О последнем из них Кропоткин писал: «Ярчайшим представителем анархической философии в древней Греции был Зенон... который открыто противопоставлял свою концепцию свободного общества без правительства государству-утопии Платона»².

Аналогичным образом, анархические тенденции можно было наблюдать в «определённых христианских сектах Средневековья»³, в особенности среди гуситов и анабаптистов, непосредственных предшественников протестантской Реформации. Роккер и Кропоткин также доказывали, что анархические идеи могут быть обнаружены в сочинениях Рабле и Дидро⁴.

Пётр Кропоткин решительно настаивал на том, что средневековые города-государства Европы, простиравшиеся от Англии до Руси, были ближайшей к нам исторической моделью того политического и общественного устройства, к которому стремились позднейшие анархисты. Он писал в своей «Взаимопомощи»: «...Средневековый город не был централизованным государством. В течение первых столетий своего существования, город едва ли можно было назвать государством, поскольку дело шло об его внутреннем строе... каждая группа имела тогда свою долю верховной власти... Средневековый город являлся двойною федерацией: всех домохозяев, объединённых в небольшие территориальные союзы – улицу, приход, конец, – отдельных личностей, объединённых общею клятвою в гильдии, сообразно их профессиям. Первая федерация была плодом деревенско-общинного происхождения города; вторая же была плодом последующего роста, вызванного новыми условиями»⁵.

Великий предшественник Кропоткина, Михаил Бакунин, не разделял его энтузиазма в отношении средневековых городов-государств как модели для современного анархического преобразования общества:

«...Между средневековой коммуной и современной коммуной существует громадная разница. За пять веков изменилась не только книжная история, изменились нравы, стремления, идеи, интересы и потребности народов. Итальянские коммуны вначале были действительно обособлены, являлись совершенно независимыми политическими и социальными центрами, между ними отсутствовала солидарность и они поневоле должны были довольствоваться сами собой. Какая разница с тем, что существует теперь! Материальные, умственные и нравственные интересы создали между всеми членами одной

и той же нации, что я говорю? – между самыми различными нациями социальное единство, настолько могучее и действительное, что всё, что делают ныне государства, чтобы парализовать его и уничтожить, остаётся бессильным»⁶.

Если оставить в стороне применимость средневековой мысли и политико-экономической организации к идеологии и философии анархизма XIX и XX века, то практически все согласны с тем, что первым современным анархистом был Уильям Годвин. Пётр Кропоткин писал о нём: «Первым изложил политические и экономические положения анархизма англичанин Уильям Годвин в 1793 г. в своём “Исследовании относительно политической правды” [“Enquiry Concerning Political Justice”]. Он не употреблял слова “анархия”, но очень хорошо излагал её основные положения, нападая на законы, доказывая ненужность государства и говоря, что только с уничтожением судов будет достигнуто настоящее правосудие – единственное настоящее основание всякого общества. Что касается собственности, то он прямо требовал коммунизма»⁷.

Пьер Прудон

Уильям Годвин не организовал политического движения, чтобы добиться установления того общества, которое он отстаивал в своём «Исследовании». Прудон же принимал активное участие в революционной политике и поэтому может быть назван подлинным основателем современного анархизма.

Пётр Кропоткин отмечал, что Прудон был первым человеком, который стал использовать слово «“анархия” применительно к негосударственному строю общества». В своём первом памфлете «Что такое собственность?» («Qu'est-ce que la propriété?») Прудон провозгласил, что «собственность есть кража». Однако, как указывал Кропоткин, Прудон «подразумевал лишь собственность в её современном, римско-правовом, понимании как “право на употребление и злоупотребление”», но в собственности, «понятой в ограниченном смысле владения, он видел лучшую защиту против посягательств государства». Он стремился «экспроприировать нынешних собственников земли, жилых домов, шахт, фабрик и так далее... сделав капитал неспособным приносить проценты; и он предлагал достичь этого посредством национального банка, основанного на взаимном доверии всех занятых в производстве, которые согласились бы обмениваться между собой своими продуктами по себестоимости, с помощью трудовых чеков, соответствующих количеству рабочих часов, необходимых для производства определённого товара... Вдобавок, подобный банк получил бы возможность давать беспроцентные ссуды, взимая лишь около 1 процента или даже меньше, чтобы покрыть расходы на администрацию...»⁸

Рудольф Роккер поясняет: «Эта форма экономики делает лишней всю политическую машину принуждения. Общество преобразуется в союз свободных общин, устраивающих свои дела согласно собственным нуждам, каждая самостоятельно или во взаимодействии, где свобода индивидуума находит в равной свободе других не ограничение, но скорее своё подтверждение и обеспечение... Эта федеративная организация поистине безгранична в смысле возможностей развития и открывает самые широкие перспективы для каждого индивидуума и общественной активности в целом»⁹.

Довольно любопытно, что, несмотря на осуждение Прудонем государства, он в 1848 г. стал депутатом Учредительного собрания Второй Французской республики. Прудон стремился провести в нём свой проект по созданию национального трудового банка и, потерпев неудачу, так же безуспешно пытался основать подобное учреждение на частных началах¹⁰. Михаил Бакунин позднее заметил по поводу этого банка, что он «мог бы процветать при более счастливых условиях»¹¹.

Хотя идеи Прудона по большей части не оказали никакого прямого воздействия на испанский анархизм, они оказали влияние на одного из ведущих политиков Испании, чья горячая приверженность федерализму позволила усилить и в каком-то смысле легитимизировать этот принцип, отстаиваемый анархистами. Этим человеком был Франсиско Пи-и-Маргаль.

Пи-и-Маргаль был главным защитником республиканского федерализма в Испании во второй половине XIX века. Он четыре раза избирался депутатом, занимал должность министра внутренних дел, а затем и президента недолговечной Первой Испанской республики в 1873 г. Карлос Рама отмечает, что, «с точки зрения интеллектуального развития, наиболее значительным было влияние на него Пьера-Жозефа Прудона», основные работы которого он перевёл на испанский¹².

Влияние Прудона на Пи-и-Маргалья отражено в одном из его комментариев в книге, опубликованной в 1854 г.:

“ «Всякая власть – нелепость. Любой человек, налагающий руку на другого человека, – тиран. Более того: он святотатствен. Между двумя суверенными людьми невозможно ничто иное, кроме соглашения. Власть и суверенность находятся в противоречии. Власть как основание общества должна, следовательно, уступить место общественному договору».

В другом месте Пи-и-Маргаль пишет: «Федерализм исходит не от человечества, но от отдельного человека. Из человека вырастают, путём стихийного и естественного развития (иными словами, договора), семья, поселение, провинция, нация, группы наций, и так как было бы заблуждением полагать, что коллективы не наследуют существенных особенностей тех элементов, которые их составляют, то, поскольку индивид автономен, общества признаются и провозглашаются автономными. Автономна нация, автономны провинция и муниципалитет, и каждый автономен сам благодаря себе, по своему собственному праву»¹³.

Джордж Эзенвейн делает наблюдение: «И как преданный апостол Прудона, и как самостоятельный теоретик, Пи повлиял на формирование идей нескольких поколений анархистов, включая такие знаменитые фигуры, как Хуан Серрано-и-Отейса, Рафаэль Фарга Пельисер, Гаспар Сентинон, Фермин Сальвочеа, Ансельмо Лоренсо, Рикардо Мелья и Фернандо Таррида дель Мάρмоль»¹⁴.

Другой иностранный наблюдатель, немец Гельмут Рюдигер, объясняя значение анархизма для Испании, также подчёркивал важность самобытного испанского федерализма, нашедшего отражение в работах Пи-и-Маргаля. Во время Гражданской войны он писал:

«Испанский анархизм – не что иное, как выражение федеральных и индивидуалистических традиций страны. Это объясняет огромное влияние испанского анархизма и тот факт, что марксизм оказался не в состоянии поглотить либертарное движение в Испании, как в других европейских странах. Но мы должны заметить, что испанский анархизм основывается на простых инстинктах людей, в чём заключается и его сила, и его слабость. В этом его сила, поскольку широкое народное движение является результатом не абстрактных дискуссий, не теорий, культивируемых немногими интеллектуалами, а динамичной социальной силы, часто вулканической, и его стремление к свободе всегда может рассчитывать на сочувствие миллионов людей...»¹⁵

Тем не менее молодое испанское анархо-синдикалистское движение, возникшее всего за четыре года до основания Первой республики, не поддержало правительство Пи-и-Маргаля. Ансельмо Лоренсо, первая значительная фигура испанского анархизма, много лет спустя писал: «Когда республиканская партия была в оппозиции... и задаривала рабочего лестью и обещаниями, уверяя его, что при республиканско-федеральной форме правления он получит полностью гарантированные на практике личные права, мы всегда отвечали, что знакомство с принципом власти заставило нас понять, что их обещания неискренни и что в высшей степени консервативное предназначение всякого правительства, как бы его ни называли, убеждает нас в обратном – федеральные республиканцы должны будут напасть на права человека, так же как на них нападали реакционеры... Факты подтвердили нашу правоту...»¹⁶

Однако в ретроспективе испанские анархисты высоко оценивали Пи-и-Маргаля. Рикардо Мелья, другой ведущий мыслитель и активист иберийского анархизма, в своём некрологе памяти вождя республиканцев, умершего в 1901 г., писал, что он был «мудрейшим из федералистов, едва ли не анархистом, едва ли не самым справедливым среди справедливых»¹⁷.

Значение Михаила Бакунина для идеологии испанского анархизма

Не подлежит сомнению, что Михаил Бакунин был одним из двух теоретиков, оказавших наибольшее влияние на испанский анархизм. Именно он отправил своего итальянского последователя в Испанию, чтобы отвоевать для анархизма зарождавшееся там рабочее движение, сначала в Мадриде, затем в Барселоне, и тем самым положил начало испанскому анархическому движению. Известно, что в двух случаях он сам собирался поехать в Испанию, но не осуществил это намерение¹⁸.

Однако, хотя Бакунин и не посетил Испанию лично, он поддерживал связь со своими последователями в ней, и его переписка со многими его учениками была обширна¹⁹.

Как говорит профессор Берт Хозелиц: «Без Бакунина анархический синдикализм, особенно подобный тому, что существовал длительное время в Испании, был бы немыслим. Без Бакунина Европа, вероятно, никогда не увидела бы организованное анархическое политическое движение...»²⁰

Бакунинский анархо-синдикализм преобладал в анархическом городском рабочем движении и повлиял на профсоюзы Национальной конфедерации труда (НКТ), установившие контроль на большинстве предприятий в Каталонии и на многих – в Валенсии и других частях республиканской Испании после 19 июля 1936 г.

Михаил Бакунин был русским аристократом, старшим сыном среди одиннадцати детей. Он недолгое время находился на военной службе, а впоследствии изучал философию в России и за границей. Его первой политической приверженностью был панславизм, но, находясь в эмиграции, он также участвовал в революции 1848–1849 гг. в Германии. Он утвердился на позициях анархизма лишь в начале 1860-х²¹.

Не будем забывать, что Бакунин был главным оппонентом Карла Маркса внутри Первого Интернационала (Международного товарищества рабочих, МТР) и, будучи исключён из него марксистами в 1872 г., создал своё собственное, «подлинное» МТР. Некоторые из испанских последователей Бакунина, в частности Ансельмо Лоренсо, принимали личное участие в борьбе бакунистов внутри Интернационала и в их организации, образовавшейся после раскола²².

По большей части испанские анархисты отстаивали в рабочем движении идеи Михаила Бакунина. Однако, как мы увидим, в некоторых вопросах испанцы отклонялись от его теорий и указаний.

Идеи Бакунина о государстве

Подобно всем сторонникам анархизма, Михаил Бакунин был убеждённым противником государства. Он доказывал: «Оно исторически возникло во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа – одним словом, от войны и завоевания... Оно было с самого своего образования и остаётся ещё и теперь божественной санкцией грубой силы и торжествующей несправедливости»²³.

Далее, говорил Бакунин, «Очевидно, что все так называемые общественные функции государства в действительности представляют не что иное, как решительное и непрерывное отрицание насущнейших интересов отдельных областей, коммун, ассоциаций и огромнейшего числа людей, подчинённых государству. Эти общественные функции представляют нечто отвлечённое, фикцию, ложь, и государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища, где незаметно, в тени, и прикрываясь этим отвлечённым нечто, этой абстракцией, с притворным сокрушением, приносятся в жертву и погибают все лучшие стремления, все живые силы страны»²⁴.

Одним из многих пороков государства, доказывал он, было то, что оно давало начало собственности: «Философы-доктринёры, равно как и юристы и экономисты, предполагают всегда, что собственность создавалась раньше государства, между тем как очевидно, что юридическая идея собственности, точно так же, как и право семейное, юридическая семья, исторически не могли родиться иначе, как в государстве, первым актом коего было неизбежно их установление»²⁵.

Поэтому, заключал Бакунин, «государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированного класса: духовного сословия, дворянства или буржуазии; наконец, когда все другие классы истощаются, выступает на сцену класс бюрократов, и тогда государство падает или, если угодно, возвышается до положения машины. Но для существования государства непременно нужно, чтобы какой-нибудь привилегированный класс был заинтересован в его существовании»²⁶.

Даже демократическое государство не свободно от недостатков, присущих ему с самого основания: «Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы... не в силах дать народу того, что ему надо, т.е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимое народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего, иного как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»²⁷.

Всеобщее избирательное право также не даёт никакой защиты от зловласти государства. Бакунин отмечал: «пока избирательное право будет осуществляться в обществе, где народ, рабочая масса экономически подчинены меньшинству, владеющему собственностью и капиталом, насколько бы независимым или свободным ни был или скорее ни казался народ в политическом отношении, выборы никогда не могут быть иными, как призрачными, антидемократическими, и абсолютно противоположными нуждам, инстинктам и действительной воле населения»²⁸.

Испанские сторонники Бакунина следовали за ним в обличении государства. Первый национальный конгресс испанских анархо-синдикалистов, проходивший в Барселоне в июне 1870 г., принял резолюцию, которая провозглашала: «Запечатлённые кровью, достойные похвалы стремления народов к собственному благосостоянию уже имели место в истории; но, будучи постоянно основанными на сохранении государства, все усилия, направленные на осуществление этих целей, оказались бесплодными. Государство не допускает не изменений в системе, ни реформ»²⁹.

Аналогично, так называемый Конгресс в Театре комедии, проведённый Национальной конфедерацией труда в декабре 1919 г., принял Декларацию принципов, которая подтвердила антигосударственную и вообще анархическую позицию движения: «...Принимая во внимание, что тенденция, с наибольшей силой проявившая себя в рабочих организациях всех стран, – это продвижение к полному, всеобщему и совершенному освобождению Человечества в нравственной, экономической и политической сферах, и

считая, что эта цель не может быть достигнута без социализации земли и орудий производства и обмена и без устранения всепоглощающей власти государства... конгресс... в соответствии с сутью заветов Первого Интернационала рабочих, провозглашает, что конечной целью Национальной конфедерации труда Испании является анархический коммунизм»³⁰.

Вплоть до начала Гражданской войны испанские либертарики не переставали осуждать государство и не изменяли своей решимости уничтожить его в первые дни революции. Тем не менее самой парадоксальной, с точки зрения идеологии, уступкой, на которую они пошли в ходе конфликта, было их согласие участвовать сначала в официальном правительстве Каталонии и затем в центральном правительстве Испанской республики. Даже после того, как их устранили из этих высших органов, они продолжали оставаться мэрами и муниципальными советниками и занимали посты на разных уровнях государственного аппарата до самого поражения в Гражданской войне.

Отрицание Бакуниным политических партий

Последовательный в своём полном отрицании государства, Бакунин также был противником любых политических партий: «Неверно... утверждать, что нас не интересует политика. Мы не пренебрегаем политикой, раз мы хотим положительно её убить. Вот существенный пункт, в котором мы расходимся решительным образом с политическими партиями и буржуазно-радикальными социалистами. Их политика состоит в использовании, в реформе и преобразовании политики и государства; тогда как наша политика... это полное уничтожение государства и политики, являющейся необходимым его проявлением... Кто хочет заниматься политикой иначе, чем мы, кто не хочет вместе с нами уничтожения политики, тот должен необходимо творить государственную политику, патриотическую и буржуазную...»³¹.

Бакунин утверждал, что представители рабочих в парламенте государстве перестанут быть революционерами: «...Рабочие депутаты, попавшие в условия буржуазного существования и в атмосферу чисто буржуазных политических идей, фактически перестав быть рабочими, становясь людьми государственными, сделаются буржуями и, быть может, станут буржуазнее самих буржуа»³².

Даже полностью рабочее правительство, вставшее во главе государства, не было бы защищено от подобного давления: «Я без боязни могу высказать убеждение, что если завтра будут установлены правительство и законодательный совет, парламент, состоящие исключительно из рабочих, эти рабочие, которые в настоящий момент являются такими убеждёнными социальными демократами, послезавтра станут определёнными аристократами, поклонниками, смелыми и откровенными или скромными, принципа власти, угнетателями и эксплуататорами»³³.

Испанские анархисты с самого зарождения движения повторяли эти утверждения Бакунина. В 1870 г. первый национальный конгресс испанских анархо-синдикалистов в Барселоне принял резолюцию, провозглашавшую, что «никакое участие рабочего класса в правительственной политике среднего класса неспособно привести к каким-либо результатам, кроме упрочения существующего порядка вещей, что неизбежно парализует революционную социалистическую борьбу пролетариата. Конгресс рекомендует всем секциям Международного товарищества рабочих отказаться от любых действий, которые имеют своей целью совершение общественного преобразования посредством национальных политических реформ...»³⁴

В 1877 г. Испанская федерация Международного товарищества рабочих (МТР) приняла похожую резолюцию следующего содержания: «Считая, что завоевание власти является естественным стремлением всех политических партий и что эта власть не имеет иной цели, кроме защиты экономических привилегий; считая к тому же, что в действительности современное общество делится не на политические партии, а не экономические состояния: эксплуатируемые и эксплуататоры, рабочие и собственники, пролетарии и капиталисты... конгресс заявляет, что он не делает различия между политическими партиями, называют они себя социалистами или нет; все эти партии, без различия, образуют в его глазах реакционную массу, и он убеждён, что его обязанность – сражаться со всеми ними...»³⁵

Однако, хотя в последующие десятилетия анархо-синдикалистские съезды продолжали подтверждать общую оппозицию всем политическим партиям, на практике отношения с левыми партиями, в особенности Социалистической партией, по-прежнему оставались источником противоречий среди испанских либертариев. Чаще всего споры велись вокруг того, следует ли анархистам призывать своих последователей воздержаться от участия в выборах или же позволить им свободно голосовать, за кого они пожелают. Как мы увидим в следующей главе, эта проблема стала особенно острой накануне и после установления Второй республики в 1931 г. Некоторые анархические лидеры в индивидуальном порядке присоединились к коалиции социалистов и республиканцев, стремившейся сбросить монархию в 1930 г.³⁶ Позднее рабочие-анархисты в массе своей были склонны голосовать за левые партии на выборах 1931 г.; их неучастие в 1933 г. в значительной степени предопределило победу правых; и в феврале 1936 г., когда руководство НКТ впервые официально предоставило своим сторонникам право решать, голосовать или нет, несомненно, именно голоса анархистов стали залогом победы Народного фронта.

Проблема приобрела особую остроту в Каталонии в годы Второй республики. Вопрос там сводился к отношениям анархистов с «Левыми республиканцами Каталонии», возглавляемыми Луисом Компанисом. Как и во всей стране, отношение либертариев к каталонским левым неоднократно менялось за пять лет Республики, предшествовавших Гражданской войне³⁷.

Незадолго до войны небольшая группа анархистов, возглавляемая Анхелем Пестаньей, порвала с антипартийными традициями движения и создала свою собственную Синдикалистскую партию. Наконец, одной из важнейших «уступок реалиям», сделанных анархистами во время Гражданской войны, стало фактическое превращение одной из основных составляющих либертарного движения, Федерации анархистов Иберии, в

политическую партию.

Революционная роль организованных рабочих в понимании Бакунина

Упорное противостояние государству и политическим партиям – общая черта всех школ анархизма. Однако отличительной особенностью бакунинского анархо-синдикализма был его особый акцент на революционной роли городских рабочих, пролетариата.

Весьма вероятно, что мысли Бакунина приняли такое направление в результате его длительного общения с Карлом Марксом. Он впервые встретил Маркса в 1847 г. в Париже, где у них шли продолжительные дискуссии и дебаты. Хотя, согласно Максу Неттлау, Бакунин относился к Марксу «крайне неприязненно» и «окончательно порвал» с ним в начале 1848 г., много лет спустя он называл Маркса «прославленным вождем немецкого коммунизма», а его «Капитал» – «великолепной работой»³⁸.

Бесспорно, в своём анализе эволюции капитализма Бакунин использовал многие ключевые положения марксовской критики. Он настаивал, что экономический фактор в обществе всегда является определяющим³⁹, что нищета рабочего класса при капитализме непрерывно возрастает⁴⁰, что мелкие капиталисты стремительно и безвозвратно исчезают⁴¹, что существует железный закон заработной платы⁴² и что классовая борьба является неизбежной⁴³.

Точно так же, он соглашался с Марксом в том, что городской рабочий класс является подлинным революционным элементом в современном обществе. Однако он давал собственную интерпретацию этой темы:

“ «Государства сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная, интернациональная Социальная Революция. Организовать народные силы для совершения такой революции – вот единственная задача людей, искренно желающих освобождения...»

“ «...Инициатива нового движения будет принадлежать народу... на Западе – фабричным и городским рабочим; у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель – крестьянам...»

«Но, чтобы крестьяне поднялись, нужно непременно, чтобы почин революционного движения взяли на себя городские рабочие, потому что только эти последние соединяют в себе в настоящий момент инстинкт, ясное сознание, идею и осознанную волю социальной революции. Следовательно, вся опасность, угрожающая существованию государств сосредоточена в данный момент исключительно в городском пролетариате»⁴⁴.

Бакунин утверждал, что рабочие усваивают революционные идеи из личного опыта, в профессиональных союзах и солидарных действиях:

“ «Рабочие каждого ремесла и каждой страны, с одной стороны, благодаря материальной и моральной поддержке, которую они в периоды борьбы находят у рабочих всех других ремёсел и всех других стран и, с другой стороны, благодаря осуждению и систематической и злобной оппозиции, которые они встречают не только со стороны своих собственных хозяев, но также и хозяев наиболее чуждых им отраслей промышленности, со стороны всей буржуазии, приходят к полному сознанию своего положения и главных условий своего освобождения. Они видят, что социальный мир в действительности разделён на три главные категории: 1. бесчисленные миллионы эксплуатируемых рабочих; 2. несколько сот тысяч эксплуататоров второго и даже третьего разряда; и 3. несколько тысяч или самое большее несколько десятков тысяч крупных хищников, разжиревших капиталистов, которые, эксплуатируя непосредственно вторую категорию и косвенным образом, посредством последней, первую категорию, загребают в свои огромные карманы, по крайней мере, половину прибыли, получаемой от коллективного труда всего человечества».

На основании этого наблюдения Бакунин делал вывод, что рабочий «не может не понять вскоре, что, если существует для него какое-нибудь средство спасения, то этим средством может быть только установление и организация самой тесной практической солидарности между пролетариями всего мира, без различия ремёсел и стран, в борьбе против эксплуатирующей буржуазии»⁴⁵.

И в итоге, доказывал Бакунин, пролетарская солидарность должна привести к революции. Как он говорил, эта солидарность

«производит всё остальное, – так как все самые высокие и самые разрушительные принципы Интернационала, наиболее подрывающие основы религии, юридического права и государства, власти, как божеской, так и человеческой, наиболее революционные, одним словом, с социалистической точки зрения, являются лишь естественным, необходимым

развитием этой экономической солидарности. И огромное практическое преимущество профессиональных секций... состоит именно в том, что это развитие, эти принципы доказываются рабочим не теоретическими рассуждениями, а живым и трагическим опытом борьбы, которая становится с каждым днём все шире, глубже и ужаснее: так что наименее развитой рабочий, наименее подготовленный, наиболее мягкий, толкаемый постоянно вперёд самими последствиями этой борьбы, начинает признавать себя революционером, анархистом и атеистом, часто не зная сам, как он им сделался»⁴⁶.

Тайное общество бакунистов – Альянс социалистической демократии и ФАИ

У Бакунина особую роль в этом процессе развития пролетарской солидарности и её перерастания в революцию получала

“ «аристократия не положения, а убеждения, революционного сознания и разумной, энергической страсти и воли... Они лучшие люди, не только в классе рабочем, но в целом обществе... Им бы не стоило ничего возвыситься над своим собственным классом, сделаться членами касты буржуазной... [но] они не хотят. Они проникнуты солидарною страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами поработённых человеческих братьев. Такие люди, естественным образом и сами того не ища, пользуются огромным обаятельным влиянием на массы работников. Присоедините к этому разряду работников разряд деятелей из буржуазного класса, вполне оторвавшихся от него и всецело отдавшихся великому делу освобождения пролетариата, и вы получите то, что мы называем полезною и благодетельною аристократиею в интернациональном рабочем движении»⁴⁷.

Можно предположить, что, по мнению Бакунина, Альянс социалистической демократии, организованный им в 1868 г., состоял из подобной «аристократии». Джордж Эзенвейн отмечал: «Бакунин верил, что создание тайной группы преданных радикалов внутри Интернационала было абсолютно необходимо, чтобы поддерживать его революционную ориентацию. Альянс так таковой должен быть служить средством превращения Интернационала – и всех народных масс вне его – в силу, способную успешно разрушить капиталистическую систему»⁴⁸. Пол Аврич добавляет:

“ «...Нападая на революционную диктатуру, Бакунин в то же время намеревался создать собственное тайное общество заговорщиков, со “строгой иерархией и безоговорочным повиновением”. Более того, эта

подпольная организация должна была сохраниться даже после того, как совершится революция, чтобы предотвратить установление какой-либо “официальной диктатуры”. Таким образом, Бакунин совершил тот самый грех, который он столь сурово обличал у других. Он сам был одним из авторов идеи о революционной партии, прочно спянной слепым повиновением революционному диктатору, партии, которую он однажды сравнил с орденом иезуитов... Его цели вели к свободе, но его средства – создание подпольной партии – вели к диктатуре»⁴⁹.

Хотя Альянс социалистической демократии официально был распущен, по условиям принятия бакунистов в Первый Интернационал, его отделение в Испании сохранялось в течение нескольких лет после ликвидации бакунинской группы как международной организации. Его руководителями, согласно Джорджу Эзенвейну, были врач Хосе Гарсия Виньяс и гравёр Томас Гонсалес Мораго⁵⁰. Альянс был весьма активен в Испанской региональной федерации, анархическом профессиональном объединении начала 1870-х, и, видимо, продолжал существовать до начала 1880-х.

Анархическое движение городских рабочих в Испании в целом соглашалось с Бакуниным в том, что профсоюз является основой революционной организации. Однако оно периодически разрывалось между повседневными нуждами профсоюзной борьбы ради получения немедленных выгод и своей приверженностью конечной цели всеобщей революции.

В течение большей части истории испанского анархического рабочего движения в нём существовали группы активистов, обыкновенно называвшиеся «группами единомышленников», которые видели свою миссию в наблюдении за тем, чтобы профсоюзы оставались верны революционной идее. В конце 1920-х эти группы объединились в Федерацию анархистов Иберии (ФАИ), и последующая борьба между фаистами и теми, кого первые обвиняли в «реформизме», вызвала противоречия и раскол в анархическом рабочем движении Второй республики, преодоленный лишь за два месяца до начала Гражданской войны.

Хотя можно обнаружить некоторое сходство между бакунинским замыслом тайного революционного общества и ФАИ, имелись и существенные различия. «Группы единомышленников», бывшие основными ячейками Федерации анархистов Иберии до Гражданской войны, пользовались широкой автономией. Внутри ФАИ не существовало той иерархической дисциплины, которой требовал Бакунин, и конечно, в этой организации не было никакого «революционного диктатора».

Бакунин и формы профессиональной организации

Существовал один вопрос, в котором испанские анархисты довольно поздно приняли позицию Бакунина, и другой, в котором они её отвергали. Это были вопросы организации национальных отраслевых союзов и создания профсоюзных забастовочных фондов.

Бакунин рисовал развитие рабочих организаций как движение от создания союза рабочих в отдельной «мастерской» к объединению всех союзов отдельной профессии или отрасли производства в одной стране, затем к международной организации союзов отдельной отрасли экономики и в конечном счёте к вступлению всех этих международных организаций в Международное товарищество рабочих⁵¹.

Бакунин, по-видимому, не делал различия между узкопрофессиональным (цеховым) и отраслевым (производственным) союзом, используя слова «профессия» (*métier*) и «отрасль» (*industrie*) как взаимозаменяемые. Тем не менее он недвусмысленно высказался в пользу создания национальных союзов рабочих особой категории. Испанские анархисты не спешили согласиться с этим мнением.

Только после провозглашения Второй республики Национальная конфедерация труда одобрила план образования национальных отраслевых союзов (федераций). Однако вопрос о создании отраслевых союзов местного уровня обсуждался ещё в декабре 1919 г. на конгрессе в мадридском Театре комедии. Как пишет Комин Коломер: «Было предложено сформировать единые союзы отраслей или производств в крупных населённых центрах и единые союзы рабочих в небольших городских поселениях, прежняя система федераций, таким образом, исчезала...» Согласно ему, в пользу таких «единых синдикатов» было подано 681 437 голосов из общего количества 714 028 зарегистрированных⁵². Каждый делегат имел в своём распоряжении столько голосов, сколько членов организации он или она представляли.

Тем не менее создание национальных союзов (или федераций) долгое время оставалось предметом споров. Одна из первых анархо-синдикалистских национальных организаций, Испанская региональная федерация Международного товарищества рабочих, на своём конгрессе в Севилье в 1882 г. объявила, что её основными единицами являются «профессиональная секция», «местная федерация», «комаркальные (окружные) федерации» и «союзы близких профессий». Организации последнего типа определялись как «состоящие из всех профессиональных федераций, существующих в регионе... Союзы эти по преимуществу технические...»⁵³

Но когда, спустя почти тридцать лет после Севильского конгресса, была организована Национальная конфедерация труда, у неё не было подобных дочерних национальных структур, организованных по профессиям или отраслям. Она была организована на основе местных союзов (по преимуществу узкопрофессиональных), объединённых на муниципальном уровне, эти муниципальные группы затем соединялись в провинциальные федерации, которые составляли более крупные федерации Каталонии, Леванта и других частей Испании и, в конечном счёте, формировали НКТ.

Однако с самого основания НКТ некоторые видные анархические деятели призывали к созданию отраслевых союзов на местном уровне и их федераций на общеиспанском уровне.

К примеру, Пальмиро Марба́, анархический публицист, обычно писавший под псевдонимом Фрюктидор, ещё в 1911 г. с одобрением цитировал аргументы французского синдикалиста Жоржа Ивто:

«Национальная профессиональная федерация объединяет все союзы одной профессии, как, например, механиков – в Федерации механиков; как союзы маляров и т.д., и т.п.

Национальная отраслевая федерация объединяет все союзы рабочих металлургии в Федерацию рабочих металлургии; все союзы строителей – в Федерацию строителей...

Легко понять, что отраслевая федерация займёт место профессиональной. Почему? Прежде всего, потому, что промышленность с помощью машин настолько упростила развитие вещей, что рабочие-умельцы стремительно вытесняются индустриальными рабочими... Да и с организационной точки зрения, рабочим в небольшом городе гораздо логичнее будет создать, к примеру, союз строителей, включающий в себя каменщиков, плотников, маляров, стекольщиков и др., чем создавать отдельные союзы для 16 каменщиков, 15 плотников и 12 маляров...»⁵⁴

Но лишь на Чрезвычайном конгрессе НКТ в июне 1931 г. бакунинская идея об организации рабочих в национальном масштабе по отраслям была, наконец, принята, по крайней мере формально, 342 303 голосами против 90 671. Резолюция по этому вопросу гласила:

«...Национальная отраслевая федерация имеет своим назначением сплотить все союзы отрасли, которую она представляет, и координировать их действия в техническом, экономическом и профессиональном отношении, при этом ей не позволено вторгаться в другие сферы профсоюзной деятельности общего характера, которые полностью входят в компетенцию синдикатов и неотраслевых федеральных и конфедеральных организаций»⁵⁵.

Бакунин о забастовочных фондах

Но, хотя испанские анархисты в итоге приняли бакунинскую модель организации, они никогда не разделяли его одобрительного отношения к забастовочным фондам (caisses de résistance). Бакунин писал: «“Освобождение рабочих есть дело самих рабочих”, – сказано в предисловии к нашим общим статутам. Это тысячу раз правда. Это главная основа нашего Союза. Но рабочие в большинстве случаев невежественны, они ещё пока совершенно не владеют теорией. Следовательно, им остаётся только один путь, путь практического освобождения. Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна: это – солидарная борьба рабочих против хозяев. Это... организации и федерации касс сопротивления»⁵⁶.

Испанские анархо-синдикалисты не поддерживали мнение Бакунина по этому вопросу. Их позицию чётко выразил Пальмиро Марба, который вскоре после создания НКТ писал: «Забастовочные фонды потерпели неудачу... у рабочих, следовательно, остался лишь один ресурс, самый мощный и самый эффективный: солидарность, или взаимная поддержка в борьбе... Забастовочный фонд... совершенно бесполезен для современной борьбы. При использовании подобного устарелого средства конфликты затягиваются до бесконечности, и работодатели побеждают; их ресурсы всегда превосходят те, которыми могут

коллективно обладать рабочие. Напротив, следуя путём солидарности, они приобретают мощнейший ресурс для победы... солидарность должна быть активной и оперативной»⁵⁷.

Поддержка кооперативов Бакуниным

Другой идеей, которую Бакунин поддерживал, а большинство испанских анархистов – нет, было создание рабочих кооперативов.

“Давайте организоваться и расширять наше Товарищество, но в то же время давайте не забывать о его укреплении, чтобы наша солидарность, в которой состоит вся наша сила, становилось всё более действенной день ото дня... Давайте сплотим наши силы в общих предприятиях, чтобы сделать существование несколько более терпимым и менее трудным; давайте создавать, повсюду и при любой возможности, потребительские и производственные кооперативы и общества взаимного кредита, которые хотя и неспособны, при наличных условиях, служить для нас подходящим и надёжным средством освобождения, но имеют важность ввиду того, что они на практике обучают рабочих управлению экономикой и культивируют драгоценные ростки организации будущего»⁵⁸.

Первые испанские анархисты также одобряли идею потребительской кооперации. На конгрессе Испанской секции МТР в апреле 1872 г. была принята резолюция, наметившая в общих чертах устав «федерации потребительских кооперативов, что будет способствовать освобождению рабочих, ослабляя эксплуатацию, которой они подвергаются, вследствие алчности среднего класса в торговле предметами первой необходимости, из-за фальсификации, завышенных цен и мошенничества с весами и мерами»⁵⁹.

Однако многие из последующих испанских анархистов в лучшем случае скептически относились к кооперативам, как производственным, так и потребительским. Так, Пальмиро Марба, писавший приблизительно в начале Первой мировой войны, удостоил потребительские кооперативы весьма сдержанной похвалы, процитировав с одобрением следующий отзыв: «Потребительская кооперация дала скромные результаты, оказавшись полезной для публичного объединения значительного числа рабочих». Но он полностью раскритиковал производственные кооперативы, говоря, что они «лишь немного увеличили количество буржуа и немного уменьшили количество [их] песет»⁶⁰.

Но среди испанских анархистов нашёлся один, который был полон веры в кооперативы, – Хуан Пейрó. Он участвовал в организации и руководил стеклодельным производственным кооперативом в Матарó, недалеко от Барселоны, где он работал с 1923 г. до конца Гражданской войны, кроме семи месяцев, когда он был министром в правительстве Ларго Кабальеро.

Пейро поддерживал и потребительские кооперативы: «...Как в капиталистическом обществе торговля по своему значению сравнима с промышленностью и сельским хозяйством... распределение продуктов в будущем обществе должно будет приобрести значение, сравнимое с организацией производства... поскольку организованное распределение будет служить ориентиром для людей с первого момента революции, в той степени, в какой оно затрагивает распределение продовольствия... и поскольку, более того, кооператив неизбежно должен стать средством распределения в новом обществе, избавленном от капитализма и государства»⁶¹. Он также видел в кооперативах источник финансирования «рационалистических» школ в ожидании революции⁶².

Но, добавлял Пейро, «очевидно, что кооперативизм, который мы поддерживаем, не есть тот ограниченный, эгоистический, дегенеративный кооперативизм, популярный сегодня. Мы полагаем, что кооперативизм, ограничивающий свои цели устранением посредников, кредитом и помощью в случае стачки, безработицы или болезни и распределением дивидендов, представляет собой нечто убогое, не дающее надежды на освобождение...»⁶³

С началом Гражданской войны испанские анархисты создали множество потребительских кооперативов в районах, где они пользовались влиянием. Большинство сельских коллективов в Арагоне и других регионах, где следовавшие за анархистами крестьяне захватили землю, организовали кооперативы того или иного типа. Кроме того, они также были созданы во многих городских промышленных коллективах, чтобы содействовать распределению товаров между рабочими.

Бакунин о пути к победе

Для Бакунина стачка была главным инструментом осуществления революции. Каждая забастовка по существу была школой революции, и кульминацией этого процесса должна была стать всеобщая стачка:

«Каждая стачка ещё тем драгоценна, что она расширяет и углубляет всё более и более пропасть, отделяющую уже ныне везде класс буржуазный от массы народной; что она самым ощутимым образом доказывает работникам абсолютную несовместимость их интересов с интересами капиталистов и собственников тем, что, уничтожая таким образом в самом сознании масс, ныне эксплуатируемых и поработённых капиталом и собственностью, возможность всяких компромиссов и сделок, уничтожая в корне всё, что мы называем социализмом буржуазным, она ставит дело народного освобождения вне всех политических и экономических комбинаций имущих сословий. Нет лучшего средства, чтоб вырвать работников из-под политического влияния буржуазии, чем стачка... Да, стачки великое дело: они создают, размножают, организуют и образуют рабочее войско – но войско, которое должно побороть и сломить буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для мира нового»⁶⁴.

И актом, венчающим революцию, должна была стать всеобщая стачка: «Когда стачки начинают расти в количестве и силе, распространяясь от места к месту, это означает, что назревает всеобщая стачка, и если всеобщая стачка случится в настоящее время, сейчас,

когда пролетариат глубоко проникнут идеями освобождения, она может привести только к великому потрясению, которое переродит общество. Несомненно, мы ещё не достигли этого пункта, но всё ведёт к нему. Необходимо лишь, чтобы люди были наготове, чтобы они не позволяли себе отвлекаться от дела на болтунов, пустозвонов и мечтателей...»⁶⁵

Испанские анархо-синдикалисты соглашались с Бакуниным в оценке значения как стачек отдельных групп рабочих, так и всеобщей стачки. Однако уже первые испанские анархисты поняли на собственном опыте, что революционную всеобщую стачку нельзя подготовить на скорую руку. Так, Томас Гонсалес Мораго писал в 1873 г., что подобная забастовка требует «длительного периода подготовки и пропаганды, предшествующего ей, и последнее составляет фундаментальную непосредственную задачу движения»⁶⁶.

Хотя по поводу полезности частных стачек возникали споры, они также в целом поддерживались испанскими анархистами. Типичным был комментарий Пальмиро Марба: «Частные стачки являются... упражнением, здоровой школой, которая закаляет пролетариат, подготавливая его к решающей борьбе, которая выразится в революционной всеобщей стачке...»⁶⁷

Учредительный конгресс Национальной конфедерации труда в 1910 г., после резолюции, говорившей, что организация ставит своей целью «приблизить общую экономическую эмансипацию всего рабочего класса посредством революционной экспроприации буржуазии, как только синдикализм окажется достаточно сильным в численном и интеллектуальном отношении, чтобы осуществить данную экспроприацию... и подготовить рабочих к последующему управлению производством», принял другую резолюцию, о всеобщей стачке. Этот документ утверждал: «Всеобщую стачку следует объявлять не для того, чтобы добиться увеличения заработной платы или незначительного сокращения рабочего дня, но лишь для того, чтобы достичь полного преобразования... Стачка будет всеобщей в подлинном смысле слова, когда рабочие целой страны одновременно сложат свои инструменты»⁶⁸.

Бакунинское видение анархического общества По разным поводам Бакунин высказывал – хотя и в довольно общих понятиях – свои предложения по анархической реорганизации общества. Можно привести три подобных примера. В одном случае он писал:

«Все классы... должны исчезнуть в социальной революции, за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками, вероятно коллективными, – в разных формах и в разных условиях, определённых в каждой местности, в каждой области и каждой коммуне... один собственником капиталов и орудий производства, другой – земли, которую он обрабатывает своими руками; оба организуются, побуждаемые своими потребностями и взаимными интересами, одинаковым способом и в то же время совершенно свободно, необходимо и естественным образом взаимно уравновешивая друг друга».

«[Общество должно быть организовано] путём свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерации коммун в области, областей в

нации и наций в международный братский союз»⁶⁹.

В другом месте Бакунин перечислил пять характерных признаков анархического общества:

«Упразднение права наследственной собственности.

Уравнение прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины; следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследства...

Земля принадлежит только тем, кто её обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда – работникам, рабочим ассоциациям.

Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободною федерацией вольных рабочих – как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому, во имя освобождения политического, мы хотим прежде всего окончательного уничтожения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми её церковными, политическими, военно- и граждански-бюрократическими, юридическими, учёными и финансово-экономическими учреждениями»⁷⁰.

В несколько иной форме Бакунин представил те же основные положения ещё в одном тексте:

«1) Уравнение политическое, экономическое и социальное всех классов и всех людей, живущих на земле.

2) Уничтожение наследственной собственности.

3) Передача земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитала и всех орудий производства – индустриальным ассоциациям работников.

4) Уничтожение отцовского, семейного права, то есть деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнения женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5) Содержание, воспитание и образование всех детей обоего пола до достижения ими совершеннолетия за счёт общества, причём обучение, научное и промышленное, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех»⁷¹.

Первые испанские анархисты в целом разделяли бакунинские представления о послереволюционном анархическом обществе. Одна из первых деклараций в таком духе была принята в 1872 г. на Сарагосском конгрессе Испанской федерации МТР. Интересно, что её соавторами были Ансельмо Лоренсо и Поль Лафарг, зять Карла Маркса, который сыграл ведущую роль (хотя и являлся французом) в создании марксистской партии в Испании.

Сарагосский документ провозглашал:

«Все неисчислимы средства труда, ныне сосредоточенные в немногих праздных руках, завтра же могут быть преобразованы революционной силой и немедленно переданы в распоряжение рабочих, которые сделают их производительными. Эти рабочие, не иначе, как организовавшись в ассоциацию, если они ещё не имеют её, и предоставив необходимые гарантии местным советам, вступят в полное владение средствами производства... Наши местные советы, ставшие законными представительствами всех производителей и преобразованные в административные советы, будут ответственными перед окружными советами во всём, что касается коллективных интересов; те будут ответственными перед региональными советами, а те, в свою очередь, перед международным, образуя подлинную экономическую федерацию...»

В этой резолюции также был пассаж, особенно интересный в свете того, что фактически было реализовано некоторыми союзами НКТ в Барселоне и других местах после 19 июля 1936 г. Там говорилось: «Имеющиеся небольшие мастерские: швейные, сапожные, плотницкие, шляпные и т.д.... могут быть учтены и временно переведены в церкви и дворцы знати... где рабочие, организованные в общество, могли бы получать полный продукт своей работы, не оставляя ничего на долю буржуа»⁷².

Много лет спустя анархический публицист Пальмиро Марба представил свою вариацию бакунинской послереволюционной организации общества и экономики, предвещая то, что впоследствии стало проблемой для испанских анархо-синдикалистов во время Гражданской войны. Он поставил вопрос об отношениях между группой рабочих на отдельно взятом предприятии и более крупным союзом, в который они входили. Марба писал:

«После всеобщего и окончательного перехода... рабочие союзы овладеют своими средствами труда, и они продолжат функционировать соответственно их назначению. Железнодорожные союзы будут заведовать всем, что относится к транспортным магистралям; союзы почт и телеграфов – всем, что касается средств связи; союзы учителей – всем, что связано с преподаванием; союзы инженеров и архитекторов будут заботиться обо всём, что затрагивает строительный сектор... врачи, в пределах своей компетенции, будут заботиться об общей гигиене и здравоохранении; сельскохозяйственные союзы будут распоряжаться землёй, пригодной для обработки... и то же самое будет распространяться на союзы прочих отраслей и профессий»⁷³.

Представляется, что Марба, который, как мы помним, был ярым сторонником создания национальных отраслевых союзов, отводил этим объединениям ключевую роль в реорганизации экономики. Хотя Марба не упоминает в своём рассуждении «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ) – и по некоторым признакам можно судить, что он был не слишком хорошо информирован о них к моменту написания книги,⁷⁴ – это описание послереволюционной экономики кажется более близким к представлениям ИРМ, чем к концепции Бакунина.

«Индустриальные рабочие мира» предлагали объединить рабочих в восемь крупных национальных промышленных союзов, которые будут вести борьбу против капитализма до

революции и станут основой реорганизации экономики после неё⁷⁵.

Хосе Пейратс, испанский анархический историк, говорил, что те, кто одобрял контроль со стороны национальных отраслевых союзов в промышленности, были вдохновлены ИРМ, а также идеями немецких и шведских анархо-синдикалистских союзов⁷⁶. Шавьер Паньягуа утверждал, что испанские защитники роли национальных союзов в управлении послереволюционной экономикой испытали влияние в особенности французского анархо-синдикалиста Пьера Бенара, который дал детальный анализ анархо-синдикальной формы либертарного коммунизма⁷⁷.

Бакунин о крестьянах как союзниках пролетариата Как мы уже отмечали, Бакунин чувствовал, что даже там, где общество оставалась по преимуществу крестьянским, городской пролетариат неизбежно возьмёт на себя инициативу в осуществлении анархического преобразования общества. Однако он с не меньшей настойчивостью повторял, что крестьяне являются естественными союзниками городских рабочих, и неоднократно напоминал, что последние не должны пытаться доминировать над крестьянском или что-либо навязывать ему.

Отношение Бакунина к тому, как следует вовлечь крестьянство в революцию, вытекает из его общего убеждения, что революция должна быть вдохновлена, а не навязана. Он задавал вопрос: «Что же должны делать революционные власти, – и постараемся, чтобы их было как можно меньше, – что должны они делать, чтобы расширить и организовать революцию?» – и отвечал на него так: «Они должны не сами делать её, путём декретов, не навязывать её массам, а вызвать её в массах. Они должны не навязывать им какую-нибудь организацию, а вызвать их автономную организацию снизу вверх...»⁷⁸

Бакунин признавал, что современные ему крестьяне одержимы мыслью получить земельный участок в личную собственность. Он предупреждал: «...Нужно установить революционную линию поведения, обходящую трудность и которая не только помешала бы индивидуализму крестьян толкнуть их в сторону реакции, но, наоборот, воспользовалась бы им для торжества революции»⁷⁹.

Из этого Бакунин заключал: «Так как нельзя навязать революцию деревням, нужно произвести её в деревнях, вызвав революционное движение среди самих крестьян, толкая их к разрушению собственными руками существующего общественного порядка, всех политических и гражданских институтов и к созданию, к организации в деревнях анархии»⁸⁰.

Хотя он признавал, что подобное развитие событий могло вызвать гражданскую войну в сёлах, Бакунин убеждал: не стоит бояться,

«что крестьяне, раз их перестанут сдерживать общественная власть и уважение к уголовному и гражданскому праву, перегрызут друг другу горло. Быть может, они попробуют это сделать в первое время, но они не замедлят убедиться в материальной невозможности продолжать в том же направлении, и тогда они постараются закончить распри, сговориться и сорганизоваться между собою. Потребность есть и кормить своих

детей и, следовательно, необходимость обезопасить свои дома, семьи и свою собственную жизнь от непредвиденных нападений – всё это неизбежно и скоро заставит их как-нибудь устроиться между собой»⁸¹.

Проблема насильственной коллективизации крестьян имела большое значение для испанских анархистов во времена Гражданской войны. Хотя в нескольких частях республиканской Испании крестьяне проявили большую активность в создании коллективов, противники анархистов – и несколько более или менее беспристрастных наблюдателей – утверждали, что арагонские милиционные колонны, набранные из числа городских рабочих-анархистов, в особенности барселонских, принудительно проводили коллективизацию в некоторых районах, когда половина этого региона была отвоёвана у сил Франко. Конечно, страх перед анархической коллективизацией стал главным фактором, который позволил коммунистам создать сильную крестьянскую федерацию в районе Валенсии, состоявшую в основном из тех, кто в прошлом поддерживал правые партии.

Философские основы анархизма Петра Кропоткина

Вторым великим иностранным теоретиком, чьё влияние широко ощущалось среди испанских анархистов, был Пётр Кропоткин. Нельзя считать чем-то особенным комментарий Фиделя Мирó, возглавлявшего во время Гражданской войны «Либертарную молодёжь», что Кропоткин был его «первым теоретиком»⁸².

Кропоткин, как и Бакунин, происходил из русских аристократов. Он был армейским офицером и провёл пять лет на военной службе в Восточной Сибири. Имея естественнонаучное образование, он потратил бóльшую часть этого времени на изучение географии, геологии, флоры и фауны этой части Российской империи. Вернувшись в Санкт-Петербург, он получил приглашение на должность секретаря Географического общества Российской академии наук, но отклонил его.

Сделавшись революционером и затем анархистом, Кропоткин вскоре был вынужден эмигрировать и около сорока лет провёл в Западной Европе, в частности в Англии. После революции 1917 года в России он наконец получил возможность вернуться домой, но вскоре был глубоко разочарован режимом большевиков. Он умер в 1921 г.⁸³.

Хотя Кропоткин соглашался с Бакуниным в его осуждении государства, закона, религии и существующей системы образования, он не делал акцента на роли пролетариев как ведущей революционной силы или профсоюзов как главного двигателя преобразований.

Кроме того, философские основы, с которых начинал свои рассуждения Кропоткин, заметно отличались от бакунинских. Герберт Рид, видный британский анархист следующего поколения, писал: «Кропоткин придал новое направление и последовательность доктрине, которая, хотя и была старой, как сама философия, всё же не находила выражения в понятиях современной науки и мысли»⁸⁴. Рид добавлял: «Не было ни одного аспекта

социологии, который Кропоткин не изучил бы с научной доскональностью: система землевладения, методы обработки земли, жилищный вопрос, здравоохранение, образование, преступление и наказание, эволюция государства...»⁸⁵

Отправной точкой анархической философии Кропоткина стало его понятие «взаимопомощи», в которой он видел фундаментальный принцип не только всего животного царства, но и самого человечества. Он открывает свою книгу по данной теме замечанием, что в своих путешествиях по Сибири он нигде не встречал «той ожесточённой борьбы за средства существования среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) рассматривали как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь и как главный фактор эволюции»⁸⁶.

И при этом он не считал, что правило «выживает наиболее приспособленный» в формулировке Герберта Спенсера и других применимо к человечеству. Кропоткин писал: «Когда... внимание моё было привлечено к отношениям между дарвинизмом и социологией, я не мог согласиться ни с одной из многочисленных работ, так или иначе обсуждавших этот чрезвычайно важный вопрос. Все они пытались доказать, что человек, благодаря своему высшему разуму и познаниям, может смягчать остроту борьбы за жизнь между людьми; но все они в то же самое время признавали, что борьба за средства существования каждого отдельного животного против всех его сородичей, и каждого отдельного человека против всех людей, является “законом природы”. Я, однако, не мог согласиться с этим взглядом, так как убедился раньше, что признать безжалостную внутреннюю борьбу за существование в пределах каждого вида и смотреть на такую войну как на условие прогресса – значило бы допустить и нечто такое, что не только ещё не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюдением»⁸⁷.

Кропоткин начинает своё исследование взаимной помощи с рассмотрения её проявлений среди животных: «Едва только мы начинаем изучать животных... как тотчас же мы замечаем, что хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведётся в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление, – в то же самое время, в таких же, или даже в ещё больших, размерах наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду или, по крайней мере, к тому же сообществу... Если прибегнуть к косвенной проверке и спросить природу: “Кто же оказывается более приспособленным: те ли, кто постоянно ведёт войну друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?” – то мы тотчас увидим, что те животные, которые приобрели привычки взаимной помощи, оказываются, без всякого сомнения, наиболее приспособленными»⁸⁸.

То же самое, доказывал Кропоткин, верно в отношении человеческого вида. Хотя он говорит: «Общество в человечестве зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии», – далее он продолжает: «Оно зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности... Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех; и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого как равные его собственным правам. На этой широкой и необходимой основе развиваются ещё более

высокие нравственные чувства»⁸⁹.

После рассуждений о взаимной помощи среди «дикарей», «варваров» и в средневековом городе, Кропоткин посвящает две главы взаимной помощи в современном обществе. Он утверждает, что, несмотря на централизаторские тенденции государства, взаимопомощь продолжает проявлять себя во многих формах. Он особо подчёркивает постоянный характер взаимопомощи в сельской общине, но также видит её в рабочем союзе и других «свободных ассоциациях для различных целей»⁹⁰.

Коммуналистский анархизм Кропоткина

Кропоткинский взгляд на общину, а не профсоюз, как центр предреволюционной агитации и послереволюционной реконструкции общества положил начало тому, что лучше всего будет обозначить как коммуналистскую школу анархической мысли. Сам Кропоткин однажды назвал свои идеи о природе будущего анархического общества «коммуналистскими»⁹¹. Хотя Кропоткин не давал подробных и точных разъяснений о природе послереволюционного общества, в разных работах он наметил основные его контуры. Так, в книге «Современная наука и анархия» он пишет: «Свободная община – такова политическая форма, которую должна будет принять социальная революция. Пускай вся страна, пускай все соседние страны будут против такого образа действий, но раз жители данной общины и данной местности решат ввести обобществление потребления предметов, необходимых для удовлетворения их потребностей, а также обобществление обмена этих продуктов и их производства – они должны осуществить это сами».

Кропоткин продолжает: «Больше того. Мы также считаем, что если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободным общинам, если национальное правительство уничтожается и единство страны достигается помощью свободной федерации общин, – в таком случае таким же лишним и вредным является и центральное городское управление... Федеративный принцип... вполне достаточен, чтобы установить внутри общины согласие...»⁹²

Существенной деталью в кропоткинском коммуналистском подходе к анархическому переустройству общества было требование, чтобы коммуна одновременно участвовала в сельскохозяйственном и промышленном производстве. В своих «Полях, фабриках и мастерских» Кропоткин пишет: «Нравственные и материальные выгоды, которые произойдут от совмещения земледелия с ремеслом, не подлежат ни малейшему сомнению. Препятствие к этому заключается в централизации современной промышленности. Централизация, как в политике, так и в промышленности, имеет множество сторонников...»⁹³

Хотя он признаёт, что некоторые производства, например кораблестроение, «вызывают к жизни в окрестностях разные мастерские и фабрики», он спрашивает, «почему... при рациональной организации общества должен Лондон оставаться центром торговли джемом

и делать зонты на всю Великобританию? Почему мелкое производство должно быть непременно сосредоточено в Уайтчепеле, а не рассеяно по всей стране?»⁹⁴

Кропоткин заключает: «Как скоро явится возможность преобразовать наши современные условия, нам следует прежде всего озаботиться распространением промышленности по всей стране, то есть переместить фабрики в деревни и извлекать из земледелия все те выгоды, которые оно всегда может дать в соединении с промышленностью... Этот шаг является необходимостью при производстве товаров для внутреннего потребления; он необходим вследствие потребности каждого здорового человека провести часть времени за ручным трудом на свежем воздухе...»⁹⁵

В другом месте той же книги Кропоткин рисует предполагаемую картину той смешанной сельскохозяйственно-промышленной коммуны, за которую он выступал. Взяв группу из 200 семей по 5 человек каждая, размещённую на 1000 акров (около 400 га) земли, он признаёт, что если бы каждая семья обрабатывала только свой участок, то их ожидала бы неудача. Однако, говорит он,

“ «те же самые двести семей, если они рассматривают себя, скажем, в качестве арендаторов нации и относятся к тысяче акров как к имуществу, взятому в совместную аренду... имеют, с точки зрения экономиста и агронома, все шансы преуспеть, если они умеют использовать эту землю наилучшим способом...

В подобном случае они, прежде всего, объединились бы, чтобы на долгий срок улучшить землю, которая требует немедленного улучшения... На площади в 340 акров они легко могли бы выращивать все злаки – пшеницу, овёс и т.д., – необходимые для тысячи жителей и их скота... Они могли бы выращивать на 400 акрах, надлежащим образом ухоженных и, при необходимости и возможности, орошаемых, весь урожай кормовых трав, требуемый для содержания 30–40 молочных коров, которые обеспечили бы их молоком и маслом, и, предположим, 300 голов быков, чтобы обеспечить их мясом. На 12 акрах, 2 из которых находились бы под стеклом, они нарастили бы больше овощей, фруктов и растений, составляющих предмет роскоши, чем они сами могут потребить. И если допустить, что пол-акра земли будет прикреплено к каждому дому – для собственных занятий и развлечений (разведение птицы или какой-нибудь диковинной культуры, цветов и тому подобного), – у них ещё осталось бы около 140 акров на все остальные цели: разбивку садов, скверов, строительство мастерских и так далее. Труд, задействованный в таком интенсивном хозяйстве, не был бы тяжким трудом крепостного или раба. Он был бы доступен для всех, сильных и слабых, городских и сельских уроженцев; и кроме того, в нём заключалось бы огромное очарование...»⁹⁶

Как и Бакунин до него, Кропоткин настаивает, что в анархическом обществе труд каждого будет вознаграждён согласно потребности. Проникнутый этой верой, Кропоткин делает вывод, что в подобном обществе не будет места деньгам ни в каком виде:

“ «Услуги, оказываемые обществу – будь то работа на фабрике или в поле или услуги нравственного характера, – не могут быть оценены в монетных единицах. Беря мануфактурное производство, точной меры ценности – ни того, что неправильно называют меновой ценностью, ни ценности, рассматриваемой с точки зрения полезности, – нет возможности установить. Если мы видим двух человек, которые в течение целого ряда лет работают по пяти часов в день на общую пользу в различных, одинаково им нравящихся областях, то мы можем сказать, что их труд приблизительно равноценен; но дробить этого труда нельзя; нельзя сказать, что продукт каждого дня, каждого часа, каждой минуты труда одного из них равноценен продукту минуты, часа или дня другого»⁹⁷.

Он применяет эту мысль к работе угольной шахты и делает следующее заключение:

“ «Все работающие в этой копи содействуют, по мере своих сил, своей энергии, своих знаний, своего ума, своего умения, добычанию угля; и мы, действительно, можем сказать, что все они имеют право жить и удовлетворять свои потребности (и даже свои фантазии, как только необходимое для всех будет обеспечено). Но каким образом можем мы оценить деньгами, платой участие каждого из них?..

Между делом одного и делом другого не может быть установлено никакого различия. Если мы будем мерить их заслуги по их результатам, то это приведёт нас к нелепости, и то же самое получится, если мы станем дробить их заслуги и мерить их часами труда.

Остаётся только одно: поставить потребности людей выше их дел и признать сначала право на жизнь, а затем и право на довольство за всеми теми, кто принимает какое бы то ни было участие в производстве»⁹⁸.

Кропоткин развивает эту аргументацию, критикуя идеи Маркса и других, кого он относит к «коллективистам»:

«[Этот способ вознаграждения труда] сводится приблизительно к следующему: все работают – в полях, на заводах, в школах, в больницах и т.д. Продолжительность рабочего дня устанавливается государством, которому принадлежат земля, заводы, пути сообщения и проч. Каждый рабочий день вознаграждается рабочим чеком, на котором значится, скажем, – “восемь часов труда”. За этот чек рабочий может приобрести в магазинах,

принадлежащих государству или различным корпорациям, всевозможные товары. Этот чек может также дробиться, как деньги, так что, например, можно купить на рабочий час мяса, на десять минут спичек или на полчаса табаку. Вместо того, чтобы говорить: “Дайте мне на пять копеек мыла”, – после коллективистской революции станут говорить: “Дайте мне на пять минут мыла”»⁹⁹.

Кропоткин отмечает, что, следуя проведённому самим Марксом различию между квалифицированным и неквалифицированным трудом, некоторые марксисты готовы провести различия между «почасовой ценностью» различных видов работы: «...Их принцип – коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого, сообразно потраченному им на производство времени, принимая вместе с тем во внимание и производительность его труда»¹⁰⁰. Он подводит итог: «Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию, очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое»¹⁰¹, то есть устроенное на анархических началах.

Влияние Кропоткина на испанский анархизм Испанское движение испытало на себе ошутимое влияние кропоткинской версии анархизма. В отличие от Бакунина, Пётр Кропоткин лично посетил Испанию в 1878 г. По крайней мере один из первых испанских анархических лидеров, учитель Северино Альбаррасин, провёл несколько лет, работая с Кропоткиным в Швейцарии в середине 1870-х¹⁰². Эррико Малатеста, итальянец, бывший ближайшим сподвижником Кропоткина в международном анархическом движении, также посетил Испанию и выступил там во многих местах с лекциями.

Идеи Кропоткина и его соратников внесли вклад в идеологическую борьбу внутри испанского анархизма в 1880-е–1890-е гг. Хосе Пейратс отмечает, что в конце XIX в. среди испанских либертариев разгорелся конфликт между коллективистской школой, возглавляемой Рикардо Мельей, и анархо-коммунистической тенденцией, представленной Хосе Пратом. Коллективистская группа доказывала, что в новом обществе каждый рабочий должен получать полную стоимость того, что он произвёл, что прибавочная стоимость должна быть уничтожена и что общая выручка должна распределяться между рабочими, участвующими в производстве.

Анархо-коммунистическая школа, со своей стороны, утверждала, что в анархическом обществе каждому будет дано по его потребностям. Пейратс связывает эту идею с кропоткинской теорией «большой кучи»: все люди могут брать из общей кучи вещи, в которых они нуждаются.

Согласно Пейратсу, Хосе Прат и анархо-коммунистическая школа вышли победителями в этой борьбе¹⁰³. Однако, как мы увидим, никакого единодушия по этому вопросу не наблюдалось среди рабочих, и особенно среди тех, кто взял под свой контроль городскую промышленность в начале Гражданской войны.

Кропоткинская коммуналистская версия анархизма в особенности сказалась на действиях испанских анархистов в сельских районах республиканской Испании. Там были образованы сотни крестьянских коллективов, в большей или меньшей степени применявших идеи

Кропоткина. Зачастую ими, в дополнение к сельскохозяйственному производству, создавались небольшие промышленные предприятия. В значительной части коллективов денежные расчёты были формально отменены, и их членам разрешалось брать всё необходимое на общих складах, в соответствии, по крайней мере до определённой степени, со своими потребностями. Поначалу коллективы обменивались продуктами между собой и с контролируемыми анархистами фабриками в городах, введя практику бартера, по-видимому, определявшуюся потребностями вовлечённых сторон. В дальнейшем были организованы федерации коллективов, чтобы проводить обмен на более формальной основе.

Кропоткинское неприятие денежного обращения, которым были проникнуты испанские анархисты, имело для них одно неблагоприятное последствие, подмеченное Сесаром Лоренсо, сыном Орасио Прието, одно время бывшего национальным секретарём НКТ. Он обратил внимание на то, что в первые дни войны, когда большинство фабрик Каталонии были захвачены рабочими, часть земли была обобществлена крестьянами, а торговля была организована под контролем анархистов, банки остались нетронутыми: «Одни лишь банки избежали экспроприации и остались в распоряжении правительства Хенералидада, и их работники образовали ядро малочисленного каталанского ВСТ. Либертарики не понимали важности банковской системы и её долгосрочного воздействия на социализацию; поэтому они оставили без внимания этот фундаментальный сектор экономики»¹⁰⁴. Как мы увидим дальше, это игнорирование банковской системы, коренившееся в глубоком отвращении анархистов к деньгам, имело очень серьёзные негативные последствия для управляемых рабочими предприятий, не только в Каталонии, но и в других частях республиканской Испании.

Анархизм в изложении Луиджи Фаббри Возможно, итальянский анархист Луиджи Фаббри, работы которого широко пропагандировались его испанскими коллегами, лучше всех суммировал в философских терминах сущность того общества, которое стремились осуществить анархисты. На исходе XIX века он писал:

“ «Существует определённый авторитет, который происходит из опыта, знания, отвергнуть который невозможно и отвергнуть который было бы безумием, как для медсестры было бы безумием восставать против авторитета врача при лечении больного, или для каменщика – не следовать предписаниям архитектора при возведении здания, или для матроса – вести судно вопреки указаниям штурмана... Медсестра, каменщик и матрос соответственно подчиняются врачу, архитектору и штурману, подчиняются добровольно, поскольку они с самого начала приняли техническое руководство этих людей. И замечательно: когда установлено общество, в котором нет иной формы власти, кроме технического, научного морального влияния, нет применения насилия одним человеком к другому, – никто не станет отрицать, что это анархическое общество»¹⁰⁵.

Заключение

С самого зарождения испанский анархизм был частью более широкого международного движения. Его философия и доктрины испытали сильное влияние идей Прудона, Михаила Бакунина и Петра Кропоткина. Общее осуждение государства, политических партий, любого рода сотрудничества между революционерами и реформистами по сути разделялось всеми в испанском движении. Но разница в подходах Бакунина и Кропоткина – анархо-синдикализм первого и коммунализм второго – породила определённые различия между городским и сельским анархизмом в Испании.

Версия #1

Зверобой создал 7 мая 2025 19:12:16

Зверобой обновил 7 мая 2025 19:19:50